И. Г. Чавчавадзе

# АРМЯНСКИЕ УЧЕНЫЕ И ВОПИЮЩИЕ КАМНИ

перевод с грузинского Н. И. Алексеева-Месхиева
Тифлис, 1902

**«Не так страшусь открытого врага, как врага, прикидывающегося другом, страшусь его ласки, его улыбки».**
***Руставели.***

Вряд ли найдется на земном шаре народность, которая была бы так оскорбительно унижена, обесславлена всеми, кому только не лень было это делать, как наша. Всякий старается или перешагнуть через нас, или затоптать и сравнять с землею. Чуть ли не хотят уничтожить и воспоминание о нас в Закавказье, стереть с лица земли имя грузина и отдать на волю ветра. Как будто нас никогда не существовало, как будто нет нас и ныне. Нищие духом, слабоумные, нравственно-падшие, глупые, необразованные, невоспитанные, разоренные в конец, ненадежные, трусы – вот картина нравственного и физического нашего багажа! Вот чем мы были, и что мы есть, по словам тех, интересы которых требуют такого нашего бесславия и унижения. Из кожи лезут вон они, чтобы уверить всех и вся, дома и на стороне, на словах и в печати, что мы были негодными и недостойными и остались таковыми же, если только не хуже. С таким клеймом на челе они пустили имя грузина по Европе, куда только голос и перо их могли иметь доступ. Такую же славу о нас, грузинах, они пустили по России, Правда, всякий кто только из русских или европейцев самолично успевал ознакомиться с хорошими и дурными нашими сторонами, сказал кое-что и в нашу пользу, – но, к несчастью, и среди их многие суждения свои обосновывали на вожделении других, плясали по чужой дудке и попадали в чужие сети. Бог с ними, с их старанием обесславить нас! Но дело в том, что они словом и пером клянутся всему миру, будто испокон века по сю сторону Кавказского хребта, до истоков Тигра и Евфрата, почти от Черного и Каспийского морей, была так называемая Армения (будто Сомхетия, т. е. страна сомехов-гайканов, и если, мол, прозябали кое-где какието враци), то занимали чуть ли не пространство в десяток хлевов, и то-де по милости армян. Враци эти, как народ, не заслуживают де упоминания, так как они находятся на пути к уничтожению и вырождению, да если бы это было и не так, то у них нет настолько ума, чтобы вникнуть в свое положение. Бог не дал им способности к торговле: кроме-де извозничества и чалвадарства они ни на что не годны и не могут даже пользоваться теми немногими местами для хлевов, которые, смешно сказать, величают Грузиею. Да и как они ими могут пользоваться, когда на то у них нет ни умения, ни трудолюбия, ни образования, ни знания, ни желания, ни охоты знать и поучиться – ну, хотя бы у тех же армян, которые, мол, призваны Богом и историей со знаменем культуры в руках оживить и осчастливить не только ближний Восток, но и дальнюю, дикую и невежественную Азию.

Не довольствуясь тем, что позорят наше имя, лишают нас национального достоинства они, чтобы окончательно сжить нас со света, упраздняют и всю историю нашу, и летописи, и исторические остатки и памятники, все, кровью обагренные, заслуги наши пред христианством и все, принадлежащее нам, наше историческое достояние, путем разных плутней, приписывают себе. Правда, «у лжи ноги коротки», и, отнимая или умаляя чужие достоинства, своих не приумножишь, но «раб своих вожделений туг на ухо и горазд на язык », как говорит грузинская пословица.

Ради чего поднята такая туча пыли, ради чего мечутся мнимые молнии и гремят громы? Ради того, чтобы доказать миру, что в Закавказье существует лишь одна армянская нация, издревле существующая, и будущее принадлежит скорее ей, так как она де исторически доказала свою моральную и физическую мощь и незыблемость и величие ума своего.

Чьи все это проделки? Что это за черный ворон кружится и каркает над нашей головой? Мы говорили и раньше, повторяем и теперь: Боже нас сохрани ставить все это в вину всему армянскому народу, приписывать ему весь этот грех, в коем повинна только известная группа армян и ее книжники-грамотеи, ученые. Однако, несмотря на это, прежде, нежели мы решились взять перо в руки, долго мы задумывались об одном, для нас весьма важном, обстоятельстве: как отнесутся армяне к этому нашему труду? Вопрос, как увидим ниже, немаловажный.

Народ, как совокупность человеческих существ, сплоченных историею в одно тело и во едину душу данной страны, должен быть, во всяком случае, уважаем всяким порядочным и здравомыслящим человеком, и оскорбление, унижение его в том или другом смысле – поступок весьма непристойный. Каждый народ имеет свой собственный облик, свои стремления, свои пожелания, свои порывы, свои особенности. Поношение всего этого – грубость, не приличествующая человеку развитому. Мы это отлично понимаем, и Боже упаси разуметь весь народ там, где виновна лишь его известная группа. Между тем, как раз на этой почве и предвидится нападение на нас. С этой то стороны ожидается то облако пыли, тот вихрь, который не преминут поднять, чтобы заставить закрыть глаза. Бог знает, в какой забьет набат, какую подымет тревогу по поводу этих очерков группа людей, которую мы имеем в виду и у которой вошло в привычку к сказанному исключительно о ней пристегивать всех армян. Умысел здесь ясен. Борьба в защиту народа, по справедливости, достойна уважения, и совершенно основательно. Это хорошо понимают наши друзья-приятели и прекрасно знают, что под знаменем защиты народа, они привлекут всеобщее расположение и, половина победы у них заранее будет в руках: «уловка лучше силы». Раз они возьмутся за такую хитроумную тактику, им легко будет обвинить обличителей в недостойном желании поселить раздор между двумя народностями. Расчет верен. Они направленную в их стрелу вонзают в сердце народа, с целью озлобить его, и этим ловким приемом прикрывают себя, как надежным щитом, зажимают рот обличителю ее грехов. Армянский народ тут не при чем; он как народ мирный, трудолюбивый, занимается своим делом – будь оно торговля или земледелие, – он и не задается подобными вопросами, а потому ему и не приходится быть ответственным за грехи своих непрошенных защитников, кружащихся вокруг него, как мошки вокруг дуба. Народ вообще отлично понимает, что истинное достоинство не нуждается в трубах и литаврах, отлично знает, что шум и гам непрошенных крикунов не созидают славы о доблестях его и не могут породить доблестей там, где их нет. Истинная доблесть, по природе своей, скромна и не болтлива, и чем она молчаливее и скромнее, тем она величавее и обаятельнее. Чтобы понять это благородное свойство доблести, не нужно быть ученым и просвещенным человеком: для этого достаточно иметь здравый ум и искреннее, непорочное сердце даже простолюдина. «Не говори, что ты хорош, не хвали самого себя» или «храбреца украшает скромность, не стоит соломинки хвастун». Разве не простолюдином сказаны эти слова?!

К несчастью, до этой мудрости еще не дошли армянские ученые, трубящие на всех перекрестках о славе и величии их народа и при всяком случае унижающие и стирающие с лица земли грузин.

Мы ничего не имеем против прославления и возвеличения армян. В подобных случаях даже пересол является не чем иным, как лишь щедростью, от которой никому ни больно и ни обидно, ни тепло и ни холодно. Мы не завидуем никаким добродетелям и доблестям армян, – напротив, достоинства эти и для нас самих желательны. Они составляют предмет соревнования, но вовсе не зависти. Зависть злится и терзается чужими достатками, чужими успехами, соревнование же – благородное чувство: оно стремится достичь

доблестей и добродетелей другого. Зависть не переносит чужого достоинства, соревнование же, напротив, не нарадуется на него. Зависть враждует с достоинством, соревнование же дружит, лелеет.

В виду этого мы не будем вдаваться в оценку данных о славе и величии армян, если бы даже они были дутыми или оказались сплошным бахвальством. Если есть чем им кичиться, то да сохранит им это Господь Бог, а если они лишены этого, то пусть оно дастся им. Мы огорчаемся только тем, что самовосхваляющая группа армян, отрицая наше, грузин, духовное и физическое существование, указывает нам лишь разверстую пред нами могилу, как будто нашим небытием созидается их существование.

Пора сорвать маску с этой группы армян, мудрецы которой задают нам, грузинам, от мала до велика, без исключения, такого трезвону. Пора взглянуть на них прямо, без прикрас. Пора нам узнать, – откуда каркает над нами черный ворон, откуда идет этот каменный град, бьющий нас! Пора нам опомниться и не праздновать труса пред этими лже-либералами, пред этими арлекинами истинного либерализма, затыкающими нам рот с целью скрыть под священным плащом народолюбия свое фиглярство, двуличие, бессердечие. Не обнаруживайте-де наших проделок, а то мы обвиним вас в возбуждении национальной вражды, причислим вас к лагерю ретроградов, а возбуждение национальной вражды в конце XIX в., сеяние плевел среди нации означают неразвитость ума, мракобесие, поругание либерализма. Только малюток можно запугать этими воображаемыми громами и молниею лже-либерализма и тех, которые привыкли верить только словам, не считаясь с их смыслом. Разве либерализм состоит в скрывании истины, в замазывании всевозможных проделок, фиглярства, подлогов, в обманах и всякой другой безнравственности, а не в разоблачении всего этого?! Если не разоблачать и не распинать всего, достойного порицания, то на что он годен, вами хваленый разиня-либерализм?! Разве гласность и вывод на свет Божий всякого тайного и явного зла, не стесняясь тем, что они могут вызвать недовольство, не священнейшее-ли и первейшее достоинство истинного либерализма, приобретенного человечеством ценою больших жертв, а иногда и пролитой крови?

Кому, как не лже-либерализму, взбредет на ум, из страха обидеть кого-либо, зажать рот обличителю зла? Справедливое и основанное на данных обличение, хотя бы и целого народа, примется с благодарностью, а не с негодованием и враждою. Истинный либерализм состоит в том. Чтобы не позволить никому попирать правду, обличать злодея в злодействе, не оставлять без заслуженного приговора злых деяний, а если необходимо, и подвергать строгому взысканию. «Примером портится мир». Неосужденное зло есть сеть соблазна, в которую легко запутаться слабохарактерному человеку, и «бесстыдника если не пристыдить, то это послужит примером и стыдливому стать бесстыдным».

Если предвидением грядущих смут пугают нас и во имя либерализма накладывают на уста наши печать молчания и если неуместная ссылка на либерализм не есть простая уловка, чтобы завлечь и запугать недорослей, то почему во имя этого же либерализма они не зажимают рта той группе армян, ученые грамотеи книжники которой, кстати и некстати, на весь мир обдают грязью всю грузинскую нацию, – да, всю нацию – и копают ей могилу, как мы уже говорили? Ну, заикнулся ли хотя один из этих лже-либералов и сказал: «Что вы за чушь порете, господа! Если только у нас есть какое либо собственное достоинство, собственная отчизна, то и говорите об этом! А то чего пристали вы ко всей грузинской нации, зачем бесславите ее и присваиваете себе непринадлежащее вам? Разве двери рая отверзятся для нас из-за того, что мы будем поносить грузинскую нацию и губить ее? Разве не знаете, что правды скрыть нельзя и что рано или поздно она всплывет? Однако же никто об этом не молвил ни слова и не вымолвит его, потому что они двуличны и пристрастны. Для всего этого нужны: чистосердечие, любовь к правде, великодушие, а на нынешнем рынке ни то, ни другое, ни третье не имеют спроса.

По мнению их, мы должны кланяться в пояс, когда поносят всю нашу нацию, а они возмущаться, когда мы защищаемся и обнаруживаем шашни известной лишь группы наших поносителей, не касаясь ни словом нации. Вы-де о нашей, даже отдельной, группы не смеете

говорить и слова правды, из опасения огорчить нас, вызвать недовольство наше, нам же нет, мол, дела до ваших чувств, если даже оскорбим всю вашу нацию и прибегнем ко лжи, чтобы запятнать вас. Что это за справедливость, что это за либерализм?! Это фарисейство, наглое надувательство, пресмыкательство, прятки, укрывание головы в норе и оставление хвоста вне ее, но никак не либерализм. «Между честными врагами посредницею бывает совесть».

Пусть эти пустомели – группа лже-либералов, затыкающая глотку детям, застращивают их: «Чур, мол! Ни звука, ни слова в обличение наше, не то окрестим вас именем ретрограда! Но человека с умом они не могут лишить честной способности постоять за правду и обличить ложь, когда того потребуют умышленно оскорбленные и поруганные чувства человека, и народное достоинство. Тут нужны честная стойкость лицом к лицу, открытое обличение, а не бегство, не отступление, подобно жалкому трусу. В сущности, мерилом человеческого достоинства служат ни либерализм, ни ретроградство, ни что-либо подобное, а то: прав или неправ человек? Если нынешней молодежи сказать, что образ мыслей ее не либерален, то она побледнеет со страха, и как бы права она ни была, а проглотит язык: что за напасть, оказывается, случилась со мною, – подумает про себя. Теперь никому нет дела, – ценна сама по себе истина или нет, и с этой точки зрения никто не входит в обсуждение высказанной мысли. Повторяем, дело в том, чтобы обличение зла было основательное, доказанное, а не вымышленное, и пусть никто не страшится вызвать этим чье-либо недовольство, огорчение, неприязнь. Разве мы не знаем, что творящему зло не по душе обличение, – но разве это уважительная причина закрывать глаза, затыкать уши и налагать на уста молчание, когда это зло обрушивается всею своею тяжестью на нас, вопиет, к стыду нашему, на весь мир о нашем якобы ничтожестве?! Почему мы должны молчать? Неужели потому, что сказанное нами вызовет недовольство армян, а возбуждение вражды недостойно в наше время?! Неужели, в самом деле, мы должны пугаться этих басен и не заикнуться в защиту и охрану своей собственной личности?!

«Нам, мол, и щелчок оскорбителен, а вы не смейте обижаться, когда мы дубиною огреваем». Что мы за пасынки мира сего, что они дерзают забавлять на побасенками! Какая речь может быть о либерализме и ретроградстве, когда так унижают и вырывают с корнем нашу самоличность, все наше существование?! Только презренному трусу наруку эти побасенки, только трус безмолвно лижет чужой плевок, перенося, молча, ругань, дабы молчание его не сочли за трусость. До этого, слава Богу, мы еще не дошли: мы еще настолько сохранили в себе чувство собственного достоинства, настолько еще сильно бьется у нас сердце, чтобы защитить и охранить себя и никому не позволять попирать и оскорблять имя грузина.

## II

Проделки армянских ученых грамотеев и их клевретов – уже старая песня: с того времени прошло, по крайней мере, целых 60 лет, если не более. Говорим, целых 60 лет, а это не такой короткий период времени, чтобы с ними не считаться. Вот уже целых 60 лет, как одни и те же громы и молнии мечутся, одни и те же тенденции затрагивают нашу самоличность, и с каждым днем с большею и большею дерзостью, смелостью, нахальством сдирают с нас шкуру и грозят потопом. В продолжение всего этого довольно долгого периода времени действует все один и тот же завет, – систематически, неуклонно, твердо, хитро и с удивительною настойчивостью протянута одна и та же нить, нельзя сказать, чтобы особенно искусно, но с большим лукавством, с большим лицемерием. При этом удивительнее всего еще то, что весь этот шестидесятилетний период начинается русским писателем и русским же писателем заканчивается. Между ними целый ряд армянских грамотеев-писателей, так что если протянуть одну нить от начала до конца, то она коснется всех лиц – до такой степени они дружно проповедуют одни и те же, намеренно нанизанные мнения, как будто они составляют одну душу и одно тело и вылиты в одну форму.

Русский писатель Сенковский, известный под псевдонимом барона Брамбеуса, еще в 1838 году писал: «до Вахтанга VI грузины не имели летописи, сами грузины даже не существовали до XII ст. после Р. Хр., под именем иверов известны были разные горские племена; вся страна за р. Курою, где в настоящее время Тифлис, и большая часть Грузии испокон века принадлежала армянам, и здесь обитали армяне, мидяне, массагеты, или турки, и несколько колен албанцев». Кому приписать составление такой ложной, искаженной истории и географии? Нет сомнения, что, она писана Сенковским, но неужели можно сомневаться, что Сенковский не был кем-то введен в заблуждение и что он, как эхо, повторяет слышанное? Ведь ясно, что подобной лжи он нигде не мог вычитать, так как на всем земном шаре нет летописей, в которых можно было бы найти указаний в этом смысле, и лжи этой даже в преданиях он не нашел бы. Кому нужно было распространить по миру весть, что грузин до XII в. даже не существовало, что в Грузии не было грузин, и что здесь обитали армяне и другие народности, или что большая часть Грузии вместе с Тифлисом испокон века принадлежала армянам! Ложь, и притом такая нежданно негаданная, без задней мысли и без расчета, не появляется.

От дня присоединения Грузии к России до того дня, когда Сенковский состряпал такую ложь, не прошло даже 37 лет, и неужели в продолжение этого сравнительно короткого времени история облеклась в такой мрак, что никто уже не помнит, какая страна присоединилась к России – Грузия или Армения, или чьей резиденцией и столицею был Тифлис. Сам Сенковский был профессором восточных языков, русским писателем, журналистом, и неужели можно допустить, чтобы он доподлинно не знал о случившемся так недавно, чуть не на его памяти! Неужели можно поверить, чтобы Сенковский не слышал даже о таком для России исторически важном событии! Неужели до слуха его не дошло, чью страну и от кого приняла Россия под свое покровительство! Если это так, ктоже и что заставили состряпать такую непостижимую историю и географию, о которых мы упомянули выше? Ясно, что тут действовали не любовь и страсть к научному исследованию, ибо тут явная ложь, и любящий науку не поддастся страсти ко лжи, не позволит себе увлечься ею. Ясно, что эту странную загадку нельзя объяснить и жаждою ученого исследования, так как подобная история, подобная география – не исследование, а явный вымысел, ибо исследователь не мог бы найти никаких к тому данных. Ясно, что ни грузин, ни русский не подвели бы его так. Какой расчет для русского распустить слух, что страна, принятая от грузин, принадлежала не грузинам, а армянам… Так кому же был расчет так поступить? Всякому известно, каков был блаженной памяти Сенковский. Для того же, найти скрытый источник этой преднамеренно придуманной истории и узнать, в чьих руках найдется лук. С тех пор по настоящее время армянские ученые употребляют все усилия и всячески стараются показать миру изо всего Закавказья Грузию с наихудшей стороны, чтобы как можно больше от нее урезать и присвоить себе, насколько возможно уничтожить прошлое и осквернить даже и настоящее ее.

Например, известно всем, что Чорохский бассейн с давних времен составлял часть верхней Карталинии, что впоследствии составляло Самцхэ-Саатабаго, армянские же писатели – Эммин, Худабаев, Ерицов оспаривают у нас именно эти места, утверждая, что верховья Куры и весь Чорохский бассейн входили в состав Великой Армении. Лишь одну пядь земли оставляют они за нами. Спасибо им и за эту милость! Но как сочтутся они с тем фактом, что оспариваемые ими у нас места задолго до Рожд. Хр. по настоящее время сохранили грузинские названия, например: в Чорохском бассейне – Кларджети, Лиганис-хеви, Таос-кари, Шавшети, Аджара, а в верховьях Куры – Кола, Артаани, Эрушети, Самцхэ и Джавахети. В этих местах грузины, начиная с VII и VIII ст. до XIV в., строили храмы, монастыри, существующие и поныне, например в Колах – Дадешский, в Артаани – Накалакевский, в Самцхэ – Ацкурский, Зарзский, Сафарский, в Джавахети – Цкаротавский, в Шавшетии – Тбетский, в Кларджети – Хакульский, в Аджарии – Схалтский и много других.

Допустим, что эти ясные и несомненные сказания, наименование местностей, надписи на монастырях, храмах, эти действительно прямые и неопровержимые свидетельства нужно снять со «счетов»; допустим, что на все это следует ссылаться. Но какой ответ дадут европейскому ученому Сен-Мартену, тому Сен-Мартену, который известен более как сторонник армян, нежели грузин, и которого так часто цитируют армянские книжники, – когда только желают заручиться его свидетельством для поношения грузин. Даже и этот сторонник армян, в этом случае, обвиняет армянских книжников, говоря, что хребет гор, служащий водоразделом Чороха, Куры, Евфрата и Аракса, был постоянной границей Грузии и Армении. Таким образом, он совсем лишает их верховьев Куры и Чорохского бассейна.

Несмотря на все это, армянские историки все же тянут свою канитель и селятся там, где никогда не жили. Разве не ясно, что этой поверхностной ученостью они желают убедить мир, будто за ними историческое право занять эти места… Мы не затем завели об этом речь, чтобы считать свое мнение по этому предмету неоспоримым. Быть может, сны армянских ученых были снами наяву, и, быть может, те страны действительно принадлежали им. Мы только хотели указать, как ловко и хитро армянские книжники ведут линию, чтобы проводить свое. В таких случаях они ничем не брезгают, приписывая себе и скрывая чужое.

Если перечитать всех Ерицовых, Худабашевых, Эминов и им подобных, то вы увидите, что свои мнения и исследования они ценят на вес золота, а чужим, если они им не на руку, – грош цена.

Та группа армян запевалами которой являются их, армян, книжники, не довольствуется этими подтасовками, для нее мало скрывать чужую правду, а о своей лжи, как о правде, трубить. Она отлично понимает, что факта, как его ни замалчивай, нельзя скрыть: он рано ли, поздно ли скажется. Весь вопрос – уничтожить факт: или стереть, или выскоблить историческую надпись, или же переиначить ее в свою пользу.

Что армянские книжники-грамотеи упражняются и повинны в таких проделках, тоже ясно. А так как наступит время, когда исторические остатки и памятники заговорят о том, – кто занимал, и кто ныне занимает данные места, и так как камни, многочисленные постройки, монастыри, храмы вопиют, что с самых древних времен на этих местах обитали грузины – то, что и говорить, является необходимость зажать рот этим правдивым свидетелям грузин, не дать им возможности пикнуть слово. С этой целью они выкинули достойное похвалы коленце: взяли и, где только смогли и сумели, уничтожили всякий след.

Проделка не особенно головоломная, лишь бы была на это охота и податливая совесть. Ныне времена такие, когда для достижения своей цели ни пред какими средствами не останавливаются, – будет ли это достигнуто путем обмана, фальсификации, подлогов – безразлично. Достижение цели подобным путем считается ныне мерилом ума. Мы имеем немало примеров, что армяне силились стирать и уничтожать следы грузинского происхождения на грузинских храмах и монастырях, соскабливать или стирать с камней грузинские надписи, вынимать самые камни из построек и вставлять взамен их другие с армянскими надписями, о чем даже писалось в русских, и в грузинских газетах. Между прочим, покойный Д. Бакрадзе рассказывает об одном случае, указывающем нам на такую милую способность этой группы армян. В Артвине существует весьма старая церковь. Тамошние армяне возымели желание наготове присвоить себе этот храм. Но местные греки начали оспаривать его у них на том основании, что так как он с давних времен принадлежал грузинам, то, следовательно, мы, мол, как православные, имеем преимущество пред вам. В нем был вделан камень с грузинской надписью, а так как эта надпись служила доказательством принадлежности храма грузинам, то армяне изволили благоразумно «припрятать» этот камень.

Таким образом, вырвав эту церковь из рук православных, – армяне присвоили ее себе. Разве подобная проделка простолюдину-армянину придет в голову?! Даже если бы это и было дело рук простого армянина, то мысль, в подобных случаях, очевидно, внушена ему

грамотеями и учеными. Поэтому мы имеем основание приписывать эту и подобные проделки только этой группе армян, но отнюдь не целому народу.
Ниже приведем примеры того, что армянские книжники подобными проделками не стесняются, что стирать, опорочивать или переделывать документы их ремесло. Пока же мы скажем, что они не довольствуются искоренением таким способом имени грузина в Закавказье и переделкою грузинских исторических памятников на армянские. Кроме храмов, монастырей и камней в Закавказье есть и другие свидетели, говорящие о грузинах. Таким свидетелями служат летописи и хроника, исследованные учеными и, как исторические данные, стоящие на страже, в случае, если армяне будут пытаться выводить своих цыплят в орлиных гнездах. Армянские ученые отлично понимают, что если эти данные не будут уничтожены, они ничего особенного не смогут присвоить себе в Грузии. Потому они и подступили к нам с этой именно стороны. Их покойный профессор Патканов выступил против нас с целым арсеналом учености и чуть было не выколотил из нас всю душу. Начал он с того, что упразднил нашу «Картлис-Цховреба» («Большая хроника жизни грузин»). Она состряпана, мол, при Вахтанге VI , и нет никаких сведений о существовании «Картлис-Цховреба» до него. Известноде единственное в этом роде произведение, называемое «армянская хроника», и если существуют какие-либо материалы для истории Грузии, то разве только там можно их найти. Правда, мол, что хроника эта переведена с грузинского, но наверное подлинник сочинен или составлен несведущим и невежественным армянином в XII в., когда грузины почувствовали необходимость истории. Изволите ли видеть, где сказался Сенковский и где просочилась знакомая нам тенденция! Значит, по мнению Патканова, грузины до XII ст. были настолько невежественны, что не только не имели истории, но даже и не ощущали в ней потребности, – и здесь опять выручил армянин, да притом несведущий и невежественный! Насколько же невежественны и несведущие должны были быть мы, грузины, что несведущий и невежественный армянин сознавал потребность истории для нас, у нас же на это не хватало даже и сознания! О, жалкие грузины! Вечная память паткановскому невежественному и необразованному армянину, оказавшему милость и явившемуся к нам на помощь!

Так он честит ас, стирает с лица земли нас, грузин, – да грузин каких времен? Двенадцатого века, века Тамары, века расцвета Грузии! И кто же? Профессор и представитель науки! Правда, он армянский профессор, армянский ученый, но неужели потому только, что он армянин, он не должен ни говорить, ни видеть правды! Для чего же он умышленно жмурит глаза и не видит грузин XII и XI вв., т.е. того народа, цветущее положение которого еще в начале первого века рисует нам Страбон, того народа, который с давних времен усеял свою страну храмами и монастырями поразительной архитектуры, того народа, который наполнил как Грузию, так и Грецию, и Палестину грузинскими сокровищами и манускриптами, того народа, который перевел составленную на пехлевийском языке санскритскую повесть «Калила и Манна» и «Вис-Рамиани» и создал величайшую поэму «Вепхис-Ткаосани» («Барсову кожу»), не говоря уже ни о чем другом. Кто только намеренно не желает закрывать глаза, кто сколько-нибудь способен понимать суть прочитанного, разве осмелится сказать, что народ, создавший «Вепхис-Ткаосани», был настолько дик и груб, что лишен был способности сознать необходимость истории? Кому взбредет в голову высказать такую мысль, как не армянским философам и профессорам! Грузинская пословица – «о чем думала лиса наяву, то ей и снилось», как раз применима к грамотеям – армянским ученым. Дай Бог им благополучия! Мы же скажем: «сеятелю плевел не сжать пшеницы острым серпом». Положим. Патканов, как подобает армянскому ученому, не изволил снизойти до прочтения «Вепхис-Ткаосани», так как она – произведение грузина и притом такое, которое внушает нам, что «истинное правосудие оживляет и сухое дерево» Подобная пословица не по вкусу лже-говорунам. Профессору же Патканову надо ли было знать подобные побасенки! Простим этому ученому профессору такое незнание и незнакомство с «Вепхис-Ткаосани». Спросим только: как он решается сказать, что «ваша

«Картлис-Цховреба» ни к чему не годна», когда компетентные в этом известные ученые Жан Сен-Мартен, Вивиен-Де-Сен-Мартен, Дюбуа де Монпере ясно и отчетливо говорят, что грузинские исторические сказания заслуживают внимания как источники не только для истории Кавказа, но и Азии. При этом Дюбуа упоминает о грузинах, как о древнейшей нации, которая с незапамятных времен была стражей Закавказья и имела сношение со всеми известными тогда народностями.

Ученый армянин и им не верит, мнение их игнорирует и продолжает галдеть посвоему. Ведь мы же сказали: «Мечта Али – это плов». В подтверждение слов своих он приводит свидетельства Сенковского, Коха, Ланглуа. Насколько авторитетны, компетентны в подобном деле Сенковский и Кох, из коих последний известен как ботаник, но никак не историк, предоставим на суд правдолюбивого Патканового. Ланглуа же – достойный уважения ученый. Замечательно же в данном случае, – что, впрочем, неудивительно со стороны ученого армянского грамотея, – следующее: оказывается, что и Ланглуа того же мнения о нашей «Картлис-Цховреба», какого Сен-Мартен и другие. Правдолюбивый же Патканов сказание его перекроил на свой вкус, по своему желанию. По мнению Ланглуа, совершенно справедливому, начало «Картлис-Цховреба» сказочное, мифологическое. Эти Картлосы, Кахосы и все им подобные, понятная вещь, должны быть отнесены к области мифов, – а у какого народа на земном шаре история не начинается мифами?! Вот что говорит Ланглуа, а не то, чего Патканов жаждет! Со стороны покойного это не первый и не последний пример фальсификации. Мы еще и дальше увидим это, а пока скажем, что с такой же бесцеремонностью он обращается со Стефанозом Орбелиани. В одном своем примечании этот чистосердечный армянский профессор доказывает, что «грузинская литература бедна старыми источниками» и что сам Стефаноз будто-бы жалуется на этот пробел XIII в. На деле же оказывается, что Стефаноз жалуется не на то, что грузинские источники вообще бедны, а на то, что «Картлис-Цховреба мало дает сведений о фамилии Орбелиани, что-де «мы, пересмотрели разбросанные по разным местам и сохранившиеся документы и лишь вот это немногое нашли». Очевидно, Стефаноз жалуется не на скудость всех вообще грузинских источников, а на то, что в грузинских летописях о фамилии Орбелиани не имеется полных сведений. Стефаоз – биограф фамилии Орбелиани, и ничего нет удивительного, что он жалуется на наши источники именно в этом отношении. Напротив, Стефаноз очень часто упоминает о грузинских исторических сборниках и царских архивах. Таким образом, ученый армянин Патканов мнение Стефаноза обобщил, передал по своему и недостаток, касающийся частного случая, перенес на все наши исторические источники. У кого же есть желание еще более убедиться, на какие проделки способен Патканов, пусть прочитает соч. Д. Бакрадзе: «Профессор Патканов и грузинские источники». Тогда он еще яснее увидит, с каким мастерством поступил с произведениями Ланглуа и Стефаноза этот чудный армянский профессор. Д. Бакрадзе, обвиняя в этом хитроумного профессора, приводит множество фактов; между прочим, он доказывает и то, что грузинские хроники, имели напротив, влияние на исторические источники самих армян. Кто этому не поверит, просим прочесть и подвергнуть вышесказанное сочинение Д. Бакрадзе основательной критике.

Так храбрый профессор пошел войною на нашу «Картлис-Цховреба», на этот основной документ исторической нашей самоличности и того или другого исторического нашего житья-бытья, чтобы, подкопавшись под него, вместе с тем повергнуть ниц и все наше прошлое и настоящее. Правда, он замахнулся на нас дубиною, но десять ударов нанес себе, а один едвали нам. Прав Патканов или нет, разбором этого мы теперь не занимаемся. Мы лишь желаем представить картину тех боевых приемов, к которым армянские ученые прибегают, чтобы стереть нас с лица земли.

## III

Патканов не ограничился приведенным выше – хотя правду сказать, он, как знаменосец армянских ученых грамотеев, иначе и не мог поступить: это было бы нарушением раз навсегда намеченной программы.
Неимение грузинами исторических хроник не составляет особенного преступления и не может служить доказательством злонравия народа. Некоторые иностранцы считают нас за добродушную нацию, людьми с мягким и добрым сердцем, при встрече любезными, приятными и вежливыми, действительно ли мы таковы или нет – не нам судить.
Армянские же ученые, кажется, позавидовали нам и в этом, как будто не в их интересах было бы, чтобы люди вообще были о нас хотя в этом отношении доброго мнения, и задумали и здесь нам повредить, помешать. Патканов, обвиняя нас в фанатизме, как бы тем хочет сказать: «Кто вам сказал, что грузины добродушны»! Да, он уверяет весь свет, что грузины – фанатики, т. е., что они не терпят людей другой нации, другого вероисповедания, что они гонители их.

В доказательство этого он приводит одну какую-то басню из времен царицы Тамары. Фанатизм, разумеется, – зло, плод невежества и умственной неразвитости. Так как же пожалеть армянскому книжнику для нас такой добродетели!
Быть может, мы и злонравны, и злопамятны, заражены и фанатизмом – мы об этом не будем спорить. Но если армянский профессор обвиняет нас в фанатизме, то, очевидно, с тем расчетом, чтобы показать, что армяне неповинны в этом грехе, что мы, одни грузины, но не армяне, невежественны и злонравны, посмотрим – так ли это и нет ли и здесь какого-либо подвоха, фокуса со стороны этого грамотея.

Когда грузины признали постановление Халкидонского собора (495 г.), вследствие чего воспоследовало разделение грузинской и армянской церквей, армяне созвали в Двине особый собор, в силу постановления которого их патриарх Авраам изрек такое письменное проклятие на грузин: «Мы прокляли и повергли ниц грузинского католикоса Кириона, а относительно грузин повелеваем, чтобы армяне с этого дня не имели никакого общения с ними – ни при молитве, ни при еде и питье, ни по дружбе, ни по воспитанию детей; да не дерзнет никто из армян пойти ни Мцхет, ни на Манглис на поклонение славному кресту, пусть не позволят им (грузинам) посещать наши храмы, избегают вступать с ними в брачные связи. Разрешается лишь иметь с ними, как с евреями, торговые сношения. Кто нарушит это постановление, да будет проклят телом, душою и всей своей жизнью».

Об этом повествует армянский историк Каганкатваци. История его относится к IX в. и переведена по-русски самим же армянским профессором Паткановым. Это высоконравственное и гуманное соборное постановление высшего армянского духовенства изложено в этой самой истории. Будь на свете справедливость, разве имеющий в руках такое фанатическое постановление главы армянской церкви дерзнуть бы заикнуться о фанатизме других?! Почему он хранит такое достойное похвалы молчание о таком из ряду вон выходящем фанатизме, раз он заговорил об этом предмете?

Разве после этого не прав Д. Бакрадзе, говоря о Патканове: «Общепризнанные факты грузинской истории г. Патканов или замалчивает, или если и приводит, то в искаженном виде, чтобы набросить тень как на исторические памятники грузин, так и на нравы наших предков». Если профессора, составляющие гордость и славу армян, не гнушаются подобными приемами переделок и передержек, то чего же ожидать от прочих армян, имеющих одни пустые дипломы, кичащихся и прожужжавших ими наши уши!
Таким образом, прыткий профессор якобы изорвал нашу историческую летопись («Картлис-Цховреба) и клочки бросил нам в лицо, опорочил престиж наш, оповестив мир, что будто неуч и невежественный армянин, т. е. последний из них стоял умственно выше грузин даже в период духовного развития Грузии и возвел на нас обвинение в фанатизме. Не довольствуясь этим, он счел нужным подступить к нам и с другой стороны. Вырвав душу, он стал вырывать и куски из нашего тела. Если бы он не нанес нам удара и с этой стороны, то изменил бы первому и последнему пункту программы армянских грамотеев, а такой ответственности, такого греха он позволил бы себе взять с собою на тот свет.

Признано исторической истиною, что «мушеки» египтян, библейские «мосохи», или «мосхи», нынешние «месхи», «тиберы» Геродота, «тиберы» и «колхи» Страбона составляли одно родственное племя с грузинскою нациею. Также известно, что это грузинское племя с давних времен занимало в Малой Азии все пространство, с включением р. Галиси до берегов Черного моря, а также все места, лежащие между Курою и Араксом. Ясно, что если комулибо угодно будет присвоить их себе или лишить грузин права собственности на них, то он поставлен будет в необходимость доказывать, что вышеприведенные племена не были родственны грузинам. Так и поступил наш смелый профессор: он клянется и божится, что «мосхи» и «колхи» не родственные грузинам племена, доказательства же на это удивительное уверение никакого не представляет: «Дитятко, зачем плачешь? – «Сходит с рук, потому и плачу», говорится в таких случаях.

Таким же образом он захватывает и Таос-Кари, нынешний Чорохский бассейн, несмотря на то, что иностранные летописцы, напр. Константин Порфироген (911 – 959 г.), свидетельствуют, что ранее X в. Чорохский бассейн принадлежал грузинским Багратидам и что, мол, оттуда они заняли Эрзерум и другие части Армении. Хотя бы и этого не было: весь Чорохский бассейн полон грузинскими храмами и монастырями с грузинскими надписями, и некоторые из них относятся к VIII – IX вв. Все эти неподкупные свидетели описаны армянским же монахом (вардапет) Саргисианом, исследованы Броссе и напечатаны в академических мемуарах. Этот же самый Саргисиан, посетивший Чорохский бассейн в 1843 – 1853 гг., с прискорбием заявляет, что он «не имел возможности списать во множестве им виденные там грузинские надписи. Абих, Ханыков и тот же самый Кох, на которого в одном случае ссылается Патканов, подтверждают то же самое.

Так или иначе, Патканов идет еще дальше, и раз вошел во вкус присвоения чужого, так уже удержу ему нет: он протягивает руки и к Тчанети, по Моисею Хоренскому Джавени, т. е. к Халдее – она, мол, составляла часть Армянского царства. «Когда и где об этом писано?» - спрашивает Д. Бакрадзе смелого и с разгулявшимся аппетитом армянского профессора. И он прав. Если Моисей Хоренский пишет, что, мол, в тех местах, которые назывались Халдею, почти за две тысячи лет назад жили армяне, так ведь в настоящее время всякому известно, что это басня. Равно всем известно и то, что патриарх армянских историков не настолько заслуживает доверия, славы и величия, как армяне полагают.

Ленорман, признанный всеми авторитетными учеными, вот что говорит: «За неопровержимую истину должны мы принять, что у армян не существует никакого национального предания до Тиграна Первого, современника Кира. Повествования о событиях до этого периода времени, все рассказы армянских писателей имеют источником сочинение Моисея Хоренского, которое не что иное, как простая копия с компиляции лживого повествователя Маробаза Катина. Этот господин Катина жил в первом веке христианства, занимался литературой, принадлежал к эдесской школе и, вот он то и составил компиляцию, в которую внес больше лжи, нежели правды, и все это он построил по образцу хронологической системы Ктезия; не говоря ни о чем другом, одно подражание этой системе должно уже было испортить дело, должно было отдалить его от истины. Дабы обмануть легковерного читателя, Катина прибег к такой хитрости: компиляцию свою он отнес ко времени Александра Македонского. Подобные проделки были сильно распространены во время Катина, такими фальсификациями наводнен был весь мир».

Мы не потому приводим здесь основанное на фактах мнение Ленормана, чтобы скомпрометировать Моисея Хоренского в глазах его соплеменников. Но отсюда после вылупилась такая штука, что мы еще раз убедились, какие похвальные нравы и тактические приемы присущи вообще всем грамотеям армянским и знаменосцу их Патканову в частности. Такое свое мнение, ныне всеми принятое, о Моисее Хоренском г. Ленорман высказал в 1871 году. Нечего и говорить, что оно, должно быть, было не совсем приятно хвалителям и величателям Моисея Хоренского. Что же им оставалось делать? Не карлику же было сразиться чуть ли не с Голиафом науки – с Ленорманом! А если бы он даже

дерзнул на это, то что бы он выиграл? А как тут вывернулся Патканов? Вот где зарыта собака! Вышло, что «раз горит у тебя саманник, погрей хоть руки». И он погрел действительно!

Патканов притворился глухим, как будто ни Ленормана не существует, ни высказанного им мнения о Моисее Хоренском, и, спустя довольно долгое время, когда мнение Ленормана уже было выяснено, приступил, как будто по собственной инициативе, к критическому разбору Моисея Хоренского, как будто он сам напал на то мнение о Моисее Хоренском, которое уже было высказано раньше Ленорманом. Таким образом, он чужое выдал за свое, он вновь открыл уже открытую Америку и, подбоченясь, стал взирать на всех с высоты своего величия. Как вам нравится подобный поступок? Если он не по вкусу, то послушайтека грамотеев-сотоварищей Патканова, что они говорят об этом присвоителе чужого открытия, об этом смельчаке профессоре, облекшемся в чужую одежду: «Самым капитальным историческим трудом Патканова был именно этот труд» Говорят же: «люди сами разберут – кто правду говорит, кто лжет» Брешет, выдумавший эту поговорку!

Если это действительно наикапитальнейший труд Патканова, то каков же должен быть не капитальный?! Об этом спросим другого ученого, именно Г. Мара, нынешнего профессора армянского языка в с.петербургском университете. «Я – ученик Патканова», – заявляет г. Марр с гордостью. Защита наставника воспитанником достойна похвалы, но и это недурно сказано: «достоин воспитатель побоев, когда воспитанник плох».
Г. Марр хотя еще не приобрел известности проделками в роде паткановских, чего и не дай Бог, но во всех других отношениях он идет по стопам его: ужасно петушится, как бы грозясь «не пропустить птицы на небесах над собою и муравья на земле под собою». Просмотритека его беседу с Акакием Церетели и вы увидите, как спесиво, словно пава, выступает он вперед, бахвалясь своей ученостью, с каким апломбом трактует, причисляя себя к сонму наиученейших людей. В последнее же время г. Гольмстрем рисует нам его чуть ли не восходящим светилом на горизонте науки. Увидите, что после этого «неба не хватит ему на шапку, а материземли на лапти». Хотя все это как-то напоминает пословицу: «куда конь с копытом, туда и рак с клешней». Но, впрочем, нам-то какое дело? Пусть рак тянется за конем, мы же сделаем свое.

По мнению Марра, если существуют какие-либо зачатки культуры в Грузии, то чуть ли не по милости армян. «Вздумай грузины отрицать это, полкультуры их, грузин, сгинет», – говорит это вновь восходящее светило науки. Быть может, это верно, не будем и в этом ему возражать, так как мы и не думали заниматься праздным вопросом о том: грузины культурнее армян или наоборот. Пусть трактуют о подобных вещах бездельники, мы же далеки от такого пустословия. Мы хотим лишь сказать, что когда такие ученые, как Марр, проповедуют подобные вещи, то должны подтверждать слова свои доказательствами.

Г. Марр коснулся своим острым мечом даже нашего языка. Обилие слов в языке – признак обилия понятий в народе, и когда исторические обстоятельства приводят в соприкосновение один язык с другим, то слабейший оставляет на себе отпечаток влияния более культурного языка.

Неужели с этой целью, с таким намерением г. Марр говорит нам, что грузинский язык усвоил себе много армянских слов, и тем как бы издалека намекает, что это еще один довод в пользу культурности армян и влияния их культуры на грузин!

Стань – «банаки», «спетаки» – белый, «жами» – время, «калаки» – город, «сенаки» – келья, «карги» – хороший, «тцеси» – порядок, «матианэ» – летопись, «пативи» – почет, «тчешмарити» – истина и много других слов – все чисто, мол, армянские, вошедшие в состав грузинского языка. Может быть, это справедливо, но Бог ведает – грузины ли позаимствовали эти слова у армян или наоборот. Мы здесь не будем утверждать ни того, ни другого. Только нас удивляет так категорически высказанное мнение о том, о чем еще бабушка надвое сказала, и почему Г.Марр повел такие разговоры?

Напротив, если только г. Ленорман достойный доверия ученый, если только лингвист Эжен Бурнуф пользуется, как уверяет Г. Ленорман, в подобных случаях

действительно авторитетом, то почему г. Марр не обратил внимания на них, если не для того, чтобы довериться их мнению, то для возбуждения сомнения в том, о чем он сам выразился так категорически и решительно?

Ленорман говорит: «положительно установлено, что большая часть этих (грузинских) слов относится к персидскому языку и вошла в состав грузинского сравнительно недавно и не по необходимости, а в силу исторических обстоятельств. Остальная же часть грузинских слов существует с давних времен и, достоверно можно сказать, носит грузинский характер, как это нам доказал великий лингвист Эжен Бурнуф».

О древнейших временах грузинского царства и культуры его упоминается в ассирийских клинообразных надписях еще в 1300 г. до Р.Х., как это ясно увидим ниже, об армянах же и помину не было до конца VII в. до Р.Х. А если уже зашла речь о языке, то разве не более основания предположить, что армяне позаимствовали от грузин слова для пополнения недостающих у них?

Допустим даже, что все это е так, что это предположение ошибочно и что нет на то никаких доказательств. Ученый Гетериас, знаток грузинского и армянского языков, – не ученый же шарлатан! И он, однако, высказался, что не мог ясно понять внутреннего значения армянского языка, пока не выучился грузинскому, так как многие корни армянского языка состоят из элементов грузинского, и без этого языка невозможно было их объяснить. Высказанное г. Ленорманом и Раульсоном мнение, что вторжение армян в Армению (в конце VII в. до Р.Х.) поглотило много чего алародийского (грузинского), усиливает доказательство мнения, высказанного и Гетериасом, и хотя на этом основании, по крайней мере, г. Марр должен был усомниться в своих суждениях, а не издавать приказа, что это должно быть так, как ему угодно и как он наставлен в том своим ментором.

За все, сказанное г. Марром, мы не дадим гроша медного. Обогащение языка чужими словами скорее может возвысить, нежели унизить нацию. Русское слово «очаг» и наше «оджахи» – монгольское слово, «башка» происходит от татарского или персидского «баш», «сакля» – грузинское слово «сахли», «религия», «профессия», «поэзия», «литература» и тысячи подобных слов – все заимствованы из других языков, но что же из этого? В английском языке почти половина слов французских. Пусть ка, однако любой грузин или армянин попробуют похвалиться своими чистыми, якобы самобытными языками перед англичанами и доказывать им, что языки их стоят выше английского! Правда, повод к подобному разглагольствованию г.Марру подал другой, но ему подобало знать, что рассуждать об этом – значит толочь воду и больше ничего.

Г. Марр и в другом отношении делает попытку прогуляться насчет нас, как будто он имеет на нас зуб и мстит за что-то, Давно он грозится: дайте лишь время, я изорву в клочки вашу пресловутую поэму «Барсовую Кожу» (Вепхис-Ткаосани); я предполагаю, что в Англии есть-де манускрипт, найду его и докажу вам, что пресловутая эта поэма ваша переведена, или заимствована оттуда. О, великий Руставели, о, гордость наша! Ты оказываешься простым воришкой, подобно армянским пройдохам книжникам, выдал чужое за свое! А мы-то тебя каким великим человеком считали! Гордились твоим именем и славой! Г. Марр, которому, как самомнящему ученому, сам черт не брат, не простой же смертный, чтобы напрасно пригрозить и не знать, что «слово, как стрела, спущенная с тетивы, не может вернуться назад». Погрозился и вот… с того дня прошло уже семь-восемь, если не больше, лет, но угроза осталась угрозою. Г. Марр отлично знает, какое бесценное сокровище для нас поэма «Барсовая кожа» (Вепхис-Ткаосани), отлично знает, какая она опора для нашего народного самолюбия, гордости, Следовательно, если кому нужно нанести смертельный удар и отнять у нас опору нашей славы и гордости, то лучше всего подойти именно с этой стороны. Если не этим, то каким душевным побуждением, с психологической точки зрения, можно объяснить такую невоздержанную угрозу и бахвальство ученого?

Пристойно ли, не имея еще в руках никаких данных, не рассмотрев их и не зная наверное – существуют ли они где-либо на свете, предать поруганию истинно великого

человека того или другого народа, оскорбить почти святая святых его, которым он восторгается и которым он не налюбуется в продолжение почти семи-восьми столетий? И все это проделать на основании лишь того, что профессору Марру приснилось, что в Англии существует какой-то манускрипт, в действительности не существующий!

Пристойно ли потрясти, пошатнуть фундамент славного памятника, в который народ вложил свое горе и свою радость, свою душу, свои лучшие помышления, чувства?!...

Пристойно ли? Еще раз повторяем, – будь у г. Марра в руках данные, кто осмелился бы пикнуть слово, – кто пошел бы против истины?! Но если бы истина и причинила нам горе, мы почтительно и с благоговением склонили бы голову пред нею. Но дело в том, что профессор в глаза не видел документов, да и как мог видеть то, чего нет на самом деле и что лишь существует в разгулявшемся воображении г. профессора! И несмотря на это, все-таки он решился сказать: «задам же я вам трепку! Мне так пригрезилось, во сне я видел, что те данные существуют в Англии». Если действительно все это не пригрезилось ему, то где же обещанные им документальные данные? Что их поглотило? Если они не могли быть найдены, то где же тот же благородный порыв, достойный вполне истинного ученого, заставляющий сознаться: «ошибся и каюсь». Правда сказано: «От совы нельзя ждать соколиных птенцов».

Ну как не возмутиться таким нахальным и непростительным поступком?! Хотя опасаемся, но все таки скажем: неужели такой великий ученый, каким, вероятно, г. Марр считает себя, не сказал правды? И если не сказал, зачем он так поступил с нами? Зачем было обращаться к нам с такою смелою угрозой, а если уж он погрозил, то почему не исполнил угрозы своей? Какой интерес г. Мару силиться вырвать у нас из рук наше сокровище и с этой целью замахиваться тупой и зазубренной шашкой? Ради чего, не имея в руках никаких данных, в силу только своего собственного соображения, он старается лишить нас поэмы «Барсовая кожа» (Вепхис-Ткаосани)? Кому этот народный памятник достоинств грузин служит бельмом на глазу, что г. Марр с таким самоотвержением старается снять его? Отгадайте вы сами, мы же давно знаем, что «бык, привязанный около другого быка, переймет от него или цвет, или нрав».

## IV.

Действия армянских книжников-грамотеев похожи на большую реку: чем дальше и дальше идешь в воду от берега, тем глубже и глубже погружаешься в нее, яснее и яснее видишь длину и ширину ее. Смелость, нахальство их день ото дня увеличиваются более и более, смелее и смелее начинают они восхвалять себя и все более и более бесцеремонно обращаться с нами. Нигде так ясно не обрисовывается раз навсегда принятая ими программа действий, усвоенная хитрость и пронырливость, как в одной европейской газете, в которой по порядку перечислено все, могущее служить к возвеличению и прославлению армян и к уничтожению грузин, внушенное, очевидно, этими учеными грамотеями. Здесь уже эти господчики ничем не стесняются, не брезгают, Они явно и откровенно пускают в ход такие проделки и средства, одна мысль о которых должна вызывать краску стыда на лице всякого человека, будь он армянин или кто другой.

Во время последней войны, именно в 1877 г., французская газета «Temps» прислала в наш край корреспондента, по имени Кутули. Посылаемые им отсюда корреспонденции печатались в ней в продолжение двух месяцев. Вот что пишет этот Кутули по поводу того, в чьи руки он попал еще тогда, когда, на пути к нам, не успел еще проехать от Владикавказа одну станцию. Еще в Балтах встречается с ним намеренно или случайно один артиллерийский офицер, шушинский армянин. Он сажает француза-корреспондента с собою в «повозку» и привозит В Тифлис. О чем этот офицер бедовал по дороге – неизвестно нам. Надо думать, что он ничего особенно хорошего не сообщил бы о нас. Это основываем на том, что вскоре по приезде в Тифлис офицер этот повел своего нового гостя

к ныне покойному Арцруни, редактору «Мшака», который, по словам Кутули, «был главой либеральной партии, и хотя он не духовного сана, но среди армян играл ту же роль, какую Деллингер и отец Гиацинт – среди католиков, и лучше самого патриарха понимает армянское священное писание».

Нечего и говорить, что г. Кутули не проэкзаменовал бы католикоса армян, но, тем не менее, он категорически заявляет, что это, мол, так. Откуда и как он узнал о преимуществе Арцруни пред уважаемым патриархом? Очевидно, или сам Арцруни пустил пыль в глаза, или другой кто-нибудь, с целью закрыть иностранцу глаза и не дать ему возможности самому присмотреться к окружающему. Очевидно, или сам Арцруни или кто-либо другой постарался вбить в голову новоприезжему французу такую невероятную вещь с целью увеличить в глазах его авторитетность Арцруни, чтобы Кутули легче мог довериться такому мудрецу и видеть только то, на что укажет этот Деллингер и Гиацинт армян. Нечего и говорить, никто не сомневается, что если он что-либо и укажет, то укажет как следует по раз намеченной программе и лицом в грязь не ударит.

Поведали ему и то, что г. Арцруни прежде всего просветился и набрался учености в Москве, затем в Петербурге и в конце концов в Гейдельберге и что он-де очень сведущ в философии. Дабы еще более возвеличить этого всестороннее образованного философа, наделили его еще одним великим качеством, именно тем, брат его в Германии профессором. Хотя профессорство брата не особенно веская рекомендация для не профессора брата, но, тем не менее, и это не было упущено из виду для вящего возвеличения Арцруни. Вот как они раздули Арцруни, – хотя бурдюк раздувают тогда лишь, когда он пустой. Они постарались так подготовить иностранного гостя, чтобы каждое слово Арцруни после принималось им за червонное золото. Нечего и говорить, что легковерный француз попал в сети и, как эхо, повторял, без проверки, без расследования, все то, что ему было внушаемо. Вникните-ка во встречу на почтовой станции Балта и во всю эту историю, и вы убедитесь, на какие проделки и фокусы они способны, чтобы только околпачить и перетянуть на свою сторону иностранца. Это однако цветочки, ягодки будут после.

Окружив себя таким ореолом, Арцруни сначала ведет Кутули в тифлисскую городскую думу, которую он, Кутули, величает маленьким парламентом, члены же управы корреспонденту мерещатся министрами, а Арцруни со своею либеральною партиею – оппозицией. Затем он вместе с Кутули обходит все армянские церкви. Прекрасные и дорогие облачения армянских священников поразили Кутули. И для какого же лучшего дня они сберегли бы их? Затем он повел этого иностранного гостя в армянские школы. Кутули отзывается с похвалою о прекрасных глазах армянок-учениц, хотя вообще насчет их красоты извиняется, – pardon, мол.

Покойный Арцруни вводит Кутули в армянский интеллигентный кружок. Кутули поименно называет всех, с которыми Арцруни познакомил его, – но нам незачем перечислять их. Достаточно знать, что Арцруни ввел своего нового приятеля в армянский круг. Пошли в честь его обеды, ужины, кутежи, пиры в садах, домах, распевали ему песни, романсы, Кутули жалуется, что раз он вернулся домой с одного из подобных кутежей до такой степени навеселе, что не в силах был взять перо в руки: так все мысли у него перепутались. На всех пирах, на каких он бывал, его угощали армянскими кушаньями, которые очень понравились желанному гостю арцруневской либеральной партии. После пригласили его Шиндиси на какой-то храмовый праздник. Здесь же француз окончательно пришел в восторг. Только одно его поразило: оказывается, все бывшие на пирах и на богомолье женщины были «с большими, как гора, носами». Понятная вещь, либеральная партия Арцруни не решилась бы допустить, чтобы такой недостаток присвоен был армянам, и не позволила бы Кутули протрубить по целому миру об этом. А чтобы иностранец не поставил в строку армянам даже этот безобидный недостаток, скоро нашли и козла отпущения. Толково и чистосердечно объяснили ему, что все эти носатые дамы мол, – грузинки. И за то спасибо! По крайней мере, того, что у них лишнее, что им не нужно, не жалеют для нас, щедрой рукой преподносят нам. На тебе, Боже, что нам негоже! Какого же

большего доказательства расположения нам нужно: даже носы свои отдают из любви к нам.

Что было делать попавшемуся в расставленные сети ветрогону-французу? Все оказалось армянским: парламент – армянский, пиры и увеселения – армянские, праздники армянские, Деллингеры и Гиацинты – армяне, философы – армянские, кушанья армянские, где же? в Тифлисе! Очевидно, здесь Армения и Тифлис – город Армении, Какой же другой вывод мог сделать так искусно опутанный пришелец?! И вот Кутули, восхищенный гостеприимством армян, пока еще из Тифлиса никуда не отлучался, восклицает: «Наверное, Эдем был здесь, в Армении»! Таким образом, уверили европейского корреспондента, что Грузия, включая и Тифлис, – Армения и весть эту заставили его распространить по всему миру при посредстве такой почтенной и влиятельной газеты, как «Temps»!

Однако спросим: какой смысл в таком смешном вероломстве, в такой фальсификации? Ответ на это указал сам Кутули. Он, оказывается, «торопился присутствовать при взятии Карса», но так как и сам Кутули, и его новые друзья-приятели желали выдвинуть вместе с великим восточным вопросом и армянский, то он остается в г. Тифлисе, чтобы «ознакомиться с положением здешних народностей». Ну и постарались ознакомить его: Тифлис и вся Грузия наше, мол, обиталище, наша страна – и раз это действительно так, кто же скажет после этого, что армяне рассеяны и нет у них территории для сплочения?! Протяните отсюда нить к тому, что говорил Сенковский, и, хотя это представляет «дистанцию огромного размера», вы найдете ключ к заданной нам загадке. Как знать? Легко предположить, что Деллингеры и философы армянские существовали и при Сенковском. Ничего нет невероятного в том, что отец похож на сына, а сын на отца. Каков батька, таково и дитятко. Теперь рассмотрим, что они внушили Кутули о происхождении и житье-бытье здешних народностей. Мы говорим: «внушили», потому что Кутули пробыл в Тифлисе так мало, что не мог бы усвоить даже название одной улицы, как же он мог ознакомиться с положением населения Кавказа, будь он даже с таким же всесторонне развитым философским образованием, как г. Арцруни! Что все, переданное им в газете «Temps», внушено ему новыми друзьями, станет ясным, если вникнуть в самую тенденцию рассказа его.

По словам Кутули, в Закавказье живут представители четырех национальностей: армяне, грузины, татары и русские. Неужели вы полагаете, что Кутули будет трактовать об этих четырех народностях? И не думайте! Лишь одни грузины были намечены его армянскими друзьями, так как повторяю: «у Али лишь плов на уме». Лишь одно сопоставление грузина с армянином – вот та игра, в которой козыри всегда, по страшной прихоти судеб, оказываются в их руках. Заставили же они его каркнуть, что Тифлис – Армения; но и Тифлиса не довольно им – необходимо заставить его сболтнуть, якобы и все Закавказье принадлежит армянам; и это желание, как увидим, исполнилось. Поведав Европе, что на Кавказе живут представители четырех национальностей, Кутули далее говорит: хотя армян, мол, в настоящее время меньше, чем грузин, всего 600 т. (?), но в конце настоящего столетия число их увеличится и их станет больше последних. А остальные нации? О татарах и русских не упоминается ни слова, как будто они не могут быть приняты в расчет. Не ясно ли, что бельмом в глазу служит лишь перевес грузинского элемента в Закавказье, что они всесторонне философски образованные, непрошено сующиеся не в свое дело армянские Деллингеры и Гиацинты только и силятся снять это бельмо с глаза. Кому взбредет на ум такой смехотворный процесс увеличения прироста армян и понижения грузин там именно, где кроме них живут еще татары и русские?! Оставим и это и спросим: что это за непостижимая такая причина, в силу которой в продолжение 23 лет меньшее число армян увеличится, а большее число грузин уменьшится?! И кому какая нужда в Европе в таких смешных уверениях? «Подождите, мол, в настоящее время армян мало, но в продолжение 23 лет вылупятся и вырастут цыплята их в бывших гнездах орлиных и размножатся»! К чему, спрашивается, эта речь об этом обильном нарождении армян и вымирании, вырождении грузин? Не очевидно ли, по милости чьих проделок, жонглерства околпаченный чужестранец взболтнул смешную чушь: «постойте, армяне размножатся, а

грузины переведутся»! Это и называется – «быть рабом своих вожделений».

Раз новые друзья Кутули вздумали заставить его писать корреспонденции на почве превосходства армянской народности в Закавказье, то они, разумеется, постарались вбить ему в голову и другие прелести, для оглашения по Европе. И Кутули, как эхо, повторяет внушенное ему – армяне составляют, мол, на Кавказе «третье сословие» (Tiers etats). В руках их, – говорит он, – торговля, все ремесла, все отрасли общественной деятельности. Они – врачи, адвокаты, люди свободных профессий. У них свои школы, журналы, свой маленький парламент в Тифлисе и проч. В настоящее время из них многие и на военную службу поступают. Мадатов, Бебутов, Агрутинский, Лорис-Меликов, Лазарев, Алхазов, Тер-Гукасов – всеми этими генералами снабдила, мол, армянская нация русскую армию.
Известный генерал Лазарев – замечательный полководец; но он-де, вследствие зависти грузинских князей, отставлен и проживает в настоящее время в Баку без дела (Покойный Лазарев не был еще в то время вызван под Карс – прим. переводчика). Затем Кутули перечисляет всех, на которых вновь испеченные друзья его указали ему, как на известных на поприще наук, искусства и проч. Хотя эти знаменитые армяне еще никем не признаны Голиафами в области наук и искусств, но какое нам дело оспаривать это? Мы и выше говорили – всего хорошего армянам, хотя бы они и представили его в преувеличенном виде, дай Бог, к чести и славе их! Но вдохновенный всем этим Кутули изрекает такое пророчество: «будущее на Кавказе принадлежит армянам, соседям же их грузинам и татарам не остается ничего, как только обармяниться». Вот где конец начала! Согласитесь, хорошее утешение! Не искусно ли заставить такую влиятельную газету, как «Temps», затянуть песню в таком тоне? Скажите, Бога ради, кому нужно было так одурачить несчастного Кутули, как не всесторонне развитым армянским философам Деллингерам и Гиацинтам: ведь «дерево по плоду, плод по дереву познается»

Наш народ не любит поэзии, – мы больше любим суждение и критику» Так уверяли чужестранца Арцруни и его цех, величаемый господином Кутули «арцруневскою школою». Не знаю насколько можно гордиться нелюбовью к поэзии, но великий Гете сказал: «тот варвар, чьего сердца голос поэта не заставит трепетать». Хотя Арцруни и его «школа» не любят поэзии, но, тем не менее, они не лишены большой фантазии. По мнению в высшей степени всесторонне развитого философа, армяне в будущем составят царство, по словам Кутули, с 30-ю миллионами подданных. Не думаем, чтобы какой-либо разумный армянин согласился с таким необузданным бредом всесторонне развитого философа. Мы убеждены, что ни один армянин, находящийся в здравом уме, не только не скажет, даже и не помыслит об этом. Это стукотня расшатавшейся мельницы, – между армянами же или нет вовсе таких, а если и есть, то не стоит и говорить о них. Это лишь болтовня бездельника, выжимающего воду из свежего и пока еще влажного сыра и уверяющего, что он выжимает ее из камня. Все это глупый бред одного человека, и да простится ему это!

Допустим, что пророчество Кутули оправдалось бы: грузины и татары обармянились бы и превратились в рабов армян. Ведь это будет каплею для образования 30-миллионного армянского государства! Откуда же Арцруни обещал собрать такое количество подданных? Ответ на этот вопрос покойный философ, наверное, унес с собою в могилу. Повторяем, мы приводим эту смешную историю не потому, что поверили, будто кому-либо из здравомыслящих армян тогда или теперь пришло что-либо подобное в голову, а потому, что у известной группы армян, о которой мы говорим, вошло в привычку трубить именно в подобную трубу. Это подтверждает и сам Кутули. Он говорит нам – понятно, по внушению армянских Деллингеров – что Арцруни и «его школа» приняли, мол, жирарденовский девиз: «следует кричать о себе». Справедливость требует сказать, что они действительно «кричат» и с успехом кричат! Какого же еще вам крика, когда «у них и вата производит грохот, а у других и орех даже не грохочет»

Трубят-то они трубят, и довольно сильно, но иногда так затрубят, что, говоря по совести, должны были бы заткнуть свои уши и с ужасом сказать себе: «Что за трескучую тарабарщину мы слышим!» Наверное для того, чтобы показать Кутули, насколько армяне

умны, насколько они успели приспособиться к современным требованиям жизни, они научили его нескольким армянским пословицам и, между прочим, следующим: «К чему тебе знать, кто пек этот хлеб.

Если он вкусен, ешь, если даже его пек еврей», или «где найдешь хлеб, там и селись». Совершенно справедливо, что для таких мудрецов в настоящее время большое поле деятельности; правда, что ныне тот и побеждает, кто следует подобным заповедям, но вряд ли они заслуживают похвалы и гордости. Напротив, эти пословицы – позор создавшего их народа.

С давних пор христианская религия учит: «Не пожелай… того, что принадлежит ближнему твоему». С давних пор рядом с этою заповедью идет по всему миру скромное, но достойное и облагораживающее человека учение: «Не насыщайся чужим молоком, не облекайся чужою одеждою». Не пожелай ничего чужого, довольствуйся своим – это краеугольный камень человеческих отношений, это главная опора нравственности. Правда, если рядом с эти учением привести грузинскую пословицу: «Что отдашь твое, чего нет, – потеряно», или «давай щедро: ведь и моря и принимают, и выпускают воды», – то вышеозначенные армянские пословицы, по современному понятию, сочтутся доказательством практического ума, грузинские же – дурацкой расточительности; но Бог знает, что лучше, гуманнее: есть ли чужой хлеб, или не жалеть своего для бедняка? Кто знает, какое здание крепче: основанное ли на нравственных началах, или на правиле: загребай, хватай чужое и ешь, раз оно вкусно?

Так или иначе, но, будь мы на месте Арцруни и либеральной школы его мы не только не гордились бы приведенными выше армянскими пословицами, но и другим заказали бы: «забудьте эти пословицы – недостойно не только разглашать их, но даже хранить в сокровенных помышлениях. Но что делать? У всякого своя фантазия.
Вот, оказывается, подкладка того либерализма знамя которого держали «замечательно всесторонне развитые армянские философы», – Деллингеры и Гиацинты: «где увидишь, мол, хлеб, там и селись». Значит, родина, отечество, обиталища дедов и отцов наших – пустые слова, одни звуки! Мы не обвиняем в этом всех армян, но да будет известно грамотеям-ученым их, что «иной раз лучше сказать, нежели смолчать – другой же раз, сказать, повредишь делу».

## V

Мы уже видели, как мастерски воспользовались армянские книжники легковерием иностранца для распространения молвы и славы о величии Армении. Посмотрим теперь, сквозь какой строй они провели перед ним грузин. Не поступи так армянские ученые мужи, они бы не имели и заслуг пред своими компатриотами и не за что было им рукоплескать. По словам Кутули, прошлое Грузии представляет весьма неутешительную картину: ослабленная дурным управлением, завистью друг к другу и междоусобиями, она, мол, не имела покоя. Верно, она не имела покоя, но не по тем причинам, кои были внушены г-ну Кутули Арцруни и его «либеральною партиею». Те, которые посещали Грузию и лично сами ее изучали, а не под руководством армянских ученых мужей, которые самостоятельно потрудились над изучением данных, касающихся прошлой нашей жизни, – те относят-ся к нам не с таким пренебрежением, как Кутули и его внушители. Напротив, они даже поражены, – как такое маленькое христианское государство, такая маленькая нация могла выдержать только войн с варварами. «Не будь вообще грузины таким мужественным, готовым жертвовать собою молодецким народом, – это было бы немыслимо», – говорит ученый знаток Востока Делорье, соотечественник Кутули. Да разве он один говорит это! Но Арцруни, этот «всесторонне развитой философ», так опутал, так связал по рукам и

ногам несчастного Кутули, что тот, окончательно сбившись с толку, лишился возможности оглядеться кругом, для выяснения истины, и всецело отдался с макушки до пяток лишь Арцруни и его клевретам. И вот Кутули в продолжение двух месяцев бил в набат в газете «Temps» о славе и величии армян, не щадя вместе с тем ни нашего прошлого, ни настоящего, понося нас на все лады и даже почти отрицая всеми признанное беззаветное мужество грузин. До настоящего времени ученые философы армян не отказывали нам в храбрости, так как, по мнению их, храбрость – глупость, добродетель, присущая сумасброду-грузину («гиж-враце»). Ну кто, мол, кроме глупца, какой сумасброд подставит грудь пуле? А потому они бесспорно признавали за нами эту добродетель, как признак глупости. Но, видно, армянские книжники-философы рассчитали, что подобная философия не подействует на такую личность, как Кутули, который принадлежит к нации, считающей, не без основания, храбрость качеством похвальным. Вот причина желания их повредить нам в глазах Кутули и с этой даже стороны.

Кутули оповещает Европу, что в истории Грузии нет ничего, чем бы мог народ ее гордиться. Допустим, что в продолжение двух-трех дней пребывания в Тифлисе Кутули досконально ознакомился с Грузией и изучил всю прошлую историю ее, так как он оказался «внимательным слушателем хороших рассказчиков».

Простим и отпустим рассказчику и слушателю их явного фиглярства и пронырства. Лучше ознакомимся с тем, что вновь испеченные друзья-приятели заставили выболтать этого несчастного француза о нашем настоящем. «Грузины составляют нацию генералов, аробщиков и чалвадаров, сболтнул умудренный мудрецами же выскочка. «Хотя, мол, у них много генералов, но они не пользуются известностью».

Поставить наших генералов на одну доску с аробщиками и чалвадарами – как это нравится вам?! Выше ведь мы видели, с каким шумом, треском и звоном, с каким бахвальством заставили Кутули перечислять имена всех генералов-армян, – ну назвали бы в числе их хоть одного грузина! Но зачем было им это делать? Тогда было бы, что «орех грузина грохочет, вата же их, армян не производит даже простого шума», а это шло бы в разрез с расчетом и желанием армянских философов. Нет сомнения, что наши генералы не нуждаются в похвале ни Арцруни, ни Кутули, равно ни в защите нашей. Башкадыкляр, Кюрюк-Дара, Карс, Деве-Бойну, Авлиар, Бегли-Ахмет, Ардаган, Ахалцих, Чолок, весь Дагестан и вообще весь Кавказ громко говорят об их славных именах, и громкого крика их не заглушить хриплому писку и мяуканью армянских мелкодушных книжников-грамотеев! Только тот может ценить чужое достоинство, кто сам обладает им!

«Грузинское дворянство – говорит Кутули – разорено в конец; они, грузины, кроме волокитства, ничего не знают и стремятся лишь поступить на государственную службу, так как такого рода служба представляет легкий труд». Нет-де у них способностей ни к торговле, ни к ремеслам, а если между ними и попадаются два-три купца, то и те считают деньги по армянски. Нет ничего удивительного, если они уверили Кутули, будто грузины не умеют даже на своем родном языке. Крестьяне-грузины пьяницы и лентяи. «Они, мол, не выкупили части земли от землевладельцев» и проч., и проч. Само собою разумеется, при этом армянские книжники скрыли от Кутули то несомненное обстоятельство, что уже тогда крестьянами-грузинами было выкуплено от помещиков своих в Тифлисской и Кутаисской губерниях на полтора миллиона рублей земли, как это видно из официальных сведений. Конечно, тут нет ничего особенного, но тем не менее, армянские Деллингеры и философы скрыли это от Кутули, чтобы он не оповестил об этом миру, опасаясь, что, пожалуй, это похвальное деяние грузина впишется ему в книгу живота, а армянам, мол, какая от этого польза. По мнению этих господчиков, «что для грузина здорово, то для армянина смерть». Таким образом, они ложь сбыли за правду.

Много еще других гимнов пропели Кутули армянские философы в утеху и славу свою. Мы здесь не приводим всех их, так как беседа наша и без того затянулась. Страннее всего то, что проделки армянских грамотеев не долго оставались в тайне, и тот же самый Кутули скоро смекнул, что за гуси эти хваленые армяне на Кавказе. Дело в том. Что пока

Кутули оставался в Тифлисе и вертелся среди них, угорелый, в каком-то чаду, он не уставал восхвалять их, но когда ему случилось побывать в Эриванской губернии и собственными глазами присмотреться к ним на собственном же их пепелище, то задал же он им трезвону! Пропел им песенку! «Армяне, мол, на родине своей вообще трусы, неучи, невежды и равнодушны к судьбе своей родины» (Оно и ясно, т.к. эта губерния никогда до 1828 года их родиной и не была, они появились там как беженцы – Ибрагим).
Итак, как видно, они оказываются и учеными, и народом, заботящимся о судьбе своей, храбрыми только там, где они, по их собственной пословице, чуют запах хлеба.

Не об этом ли сказано: «Речь твоя обличает тебя»?

Таким образом, Арцруни и его «либеральный» цех заставили европейскую газету прокричать, что грузинам, и духовно, и физически обессиленным, и вместе с ними кавказским татарам другого исхода не остается, как или обармяниться, или пойти в рабы к ним. На подмогу к этим ученым мужам, для придания более силы, убедительности и для усиления их армии, присоединился у ним один генерал-армянин, ныне покойный, Кишмишев. Без генерала ведь армия не армия! А чтобы не отставать от себе подобных грамотеев-ученых, и он пустился наносить нам удары. Генерал Кишмишев написал сочинение, изданное после его смерти радетелями славы его, под заглавием «Последние дни Грузинского царства». Как славно покойный Кишмишев честит нас, полагаю, всякий читал. В конце XVIII ст. – изволит говорить Кишмишев, – «Грузия уподобилась выброшенному на берег кораблю, откуда, кто был посильнее, мог брать все, что угодно. Голодных царевичей, мол, и князей содержали и кормили лавочники и купцы.

## IX.

… Франсуа Ленорман, о котором мы и раньше упомянули, считающийся среди людей науки знатоком истории древнейших времен – авторитетный исследователь клинообразных надписей, в особенности ассиро-вавилонских. И вот именно те самые клинообразные надписи, которые, по уверению г. Гольмстрема, вопиют в пользу армян, тщательно исследованы этим знаменитым Ленорманом.
Именно он и доказывает, что Армения есть географический, но отнюдь не этнографический термин и что это название в первый раз упоминается во времена Ахеменидов, именно в конце VII столетия до Р.Х. Тогда еще и помину не было об армянах, т.е. гайканцах, в тех местах, которые ассирийские, а равно местные клинообразные надписи называют собирательным именем страны «Найри», а впоследствии «Урарту»», а племя, жившее там, – урартийцами; гайканцы, гайосы (армяне) пришли в Урарту в VI ст. до Р.Х., клинообразные же надписи, повествующие об урартийцах, относятся к более раннему периоду, ибо самая поздняя надпись относится к IX веку до Р.Х.
Ясно, что клинообразные надписи, высеченные в IX в. до Р.Х., не могли повествовать о народе, появившемся позднее, спустя почти три века. «Камни вопиют», не правда ли, гг. армянские ученые, грамотеи! Вопить то вопиют, но «двери слуха вашего замкнуты вами для них».

Оставим в стороне даже это IX ст., когда камни запечатлели на груди своей нелицеприятные и правдивые сказания и когда еще об армянах не было и помину. О стране «Найри», впоследствии известной под названием «Урарту», упоминается в некоторых надписях еще при ассирийском царе Салманасаре и затем при Тиглат-Паласаре – Салманасар же I царствовал в XIV ст., а Тиглат-Паласар I в XII ст. до Р.Х.

Имеем после всего этого основание или нет спросить г. Гольмстрема: те клинообразные надписи, те приводимые им в свидетели камни каким чудом могли повествовать об армянах, когда последние, спустя лишь шестьсот-семьсот, ну самое меньшее триста лет, появились в той стране, в которой урартийцы были аборигенами и боролись с ассирийцами в продолжение шести-семи веков до прихода армян? И если уж они,

урартийцы, имеют какие-либо заслуги во всемирной истории, отличались твердостью характера, культурою, выказали физическую и нравственную мощь, то, конечно, ради своей славы, но отнюдь не для прославления и возвеличения армян.

Ясно, что те клинообразные надписи, вопли которых будто бы так воспламенили г. Гольмстрема, и которые, по словам его же самого, происхождения не позднее IX столетия, не могут служить подтверждением происхождения армян от урартийцев, и мы в данном случае видим такое же ученое легкомыслие, на какое постоянно наталкиваемся, когда армянские философы и Деллингеры заводят речь об армянах.

«Филология, – говорит Ленорман, – это алгебра так называемой лингвистики, это могущественное и высокое средство, восстановительница древней этнографии – доказывает нам, что аборигены страны, называемой «Армениею», до конца VII века до Р.Х. были родственным племенем тому, к которому относятся грузины и некоторые нынешние народности Кавказа. Это именно те аборигены, которых библия (Х.З) называет «тогормами», ничего общего не имеющими с сынами Гайоса. Также и Иезекиль называет аборигенов Армении «тогормами» (XXVII, 14, XXXVIII, 6) – в то время, когда большая часть клинообразных надписей была уже высечена на камнях, – надписей известных до настоящего времени под названием «ванских».

Ленорман весьма ясно доказывает, что урартийцы и алародийцы – синонимы. Помимо Ленормана и знаменитый английский ученый Раулинсон, на которого сослался в данном случае сам Ленорман, доказывает то же самое.

На этом тождестве урартийцев с алародийцами и основал Ленорман свой вывод, что язык урартийцев и клинообразные надписи должны называться алародийскими, но отнюдь не армянскими. Он утверждает, что ни язык этот, ни народ не имеют никакого родства с армянским языком и народом. «Раулинсон говорит, – добавляет Ленорман, – что «аларду» представляет простой вариант «Араруда», так как древние парсы одинаково произносили и «л» и «р». От «Араруди» небольшой переход до «Арарата», а отсюда и до упоминаемого в ассирийских надписях «Урарту».

К этому Ленорман добавляет: «алародийцы» (иверы) представляют именно ту старую расу, о которой мы выше упомянули и которая оставила клинообразные надписи в Армении. Что эти названия – синонимы, следует запомнить, так как это пригодится нам ниже.

«По нашему мнению, – говорит Ленорман, – язык найденных в Армении клинообразных надписей имеет чрезвычайное сходство с грузинским…

Здесь Ленорман приводит такие поразительные примеры, что убьет всякую охоту сомневаться даже в том, кто одержим страстью во всем сомневаться, и в конце добавляет, что «исследование великого Эженя Барнульфа усиливает доказательство того, что язык клинообразных надписей Армении и грузинский один и тот же». (Современные исследователи относят этот язык к чеченскому и ингушскому, которые относятся к иберийско-кавказским языкам (нахским) – А. П. Новосельцев – Ибрагим).

«Язык клинообразных надписей никоим образом никакого, даже отдаленного сходства не имеет с языком гайканским, – говорит Ленорман. – «Тот народ, вырезавший эти надписи и за шесть веков до Р.Х. владычествующий в Армении, не имел никакого родства с армянами, с гайосами, ни по происхождению, ни по языку своему».

«Гайосцы пришли в Армению в то время, когда ванские надписи уже существовали, именно в то время, когда тот самый народ (Урарту), который вырезал эти надписи, ослабленный в продолжение нескольких веков непрекращающимися войнами с страшными владыками Ниневии (ассириянами) и Вавилоном, отодвинулся, направился к северу, именно к тем местам, которые в древности назывались Ивериею, а в настоящее время именуются Грузиею»

Таким образом, по словам Ленормана, выходит, что армяне напрасно присваивают себе название урартийцев, прежнюю Великую Армению напрасно считают своею первобытною родиной, и если какие-либо доблести и добродетели урартийцев перешли к

кому-либо путем наследственности и кто-либо может гордиться ими, – то исключительно грузины, но отнюдь не армяне.

Лишь только это исследование Ленормана стало известным, не поздоровилось армянским книжникам.

Покойный Илья Серебряков, профессор Лазаревского института, в одной своей статье говорит: «Ленорман не только устранил всякую мысль о родственном происхождении армян и грузин, но даже и самую территорию Армении до Ахеменидов изъял из владения и навсегда укрепил за грузинами. Это обстоятельство до таковой степени озлобило профессора Патканова, что он не мог успокоиться в продолжение 13 лет и в конце концов, когда «лучшего выдумать не мог», напечатал известный свой фельетон, в котором, с большою ловкостью, присвоил себе чужой труд, дал фактам превратное освещение и этим вздумал уничтожить и самые летописи грузинские».

Чего было покойному Серебрякову удивляться подобному поступку армянского ученого! Это порок не новый, а еще исстари присущий армянским грамотеям. Мы привели тому много фактов в настоящей статье. Может быть, нас, грузин, заподозрят в пристрастии, когда говорим об этом предмете. Послушаем теперь таких свидетелей, как, Ленорман и Генрих Раулинсон, и увидим, что переиначивание, присвоение чужого, подчистка и поскабливание надписей на памятниках, захваты чужих мест и прочие подобные добродетели с давних времен были качествами армян и что с давних же времен они знакомы были с этими художествами.

«На основании вышеприведенных фактов, – говорит Ленорман, – я вынужден высказать то же самое, что и Генрих Раулинсон: «язык «урарту» не имеет никакого родства с настоящим гайосским языком. Гайосы, выходцы из Фригии, постепенно заняли возвышенные места, лежащие к востоку от Фригии, откуда они вытеснили часть древних урартийцев, часть же поглотили и их названия, веру, язык, предания заменили своими»,
Замена своими чужих наименований, языка, преданий и тому подобного, оказывается, с древнейших времен составляла обычную привычку армян – «привычка же – вторая натура». Ленорман говорит в том же сочинении своем, что армяне напрасно присваивают себе происхождение от Торгомоса. Да и отчего же им этого не делать: ведь для этого не требуется никаких расходов, даром дается!

Не один Ленорман говорит, что гористая страна, известная по клинообразным надписям под названием Урарту, еще в 721 г. до Р.Х. была местом обиталища грузинского племени и что урартийцы были нациею, родственною грузинам. Другой большой знаток и исследователь древнейшей истории Масперо говорит: «гористая страна (Урарту), в которой берут свое начало Тигр и Евфрат, еще при ассирийском царе Саргоне (721) была населена только одним, совершенно отличным от современных армян и родственным грузинам, племенем.

## XI.

… По словам г. Никольского, армянский епископ Месроп нашел несколько клинообразных надписей. Г.Никольский по этому поводу говорит: «В начале шестидесятых годов г. Месроп, тогда еще простой монах, вычитав из сочинений мхитаристов, что там, где в настоящее время обитают армяне, существуют клинообразные надписи, пожелал собрать их, полагая, что они будут иметь весьма близкое отношение к древней истории Армении». По словам того же Никольского, г. Месропу повезло, но не в ту сторону, на которую он рассчитывал. Он открыл шесть или восемь надписей; снявши их, он послал их ученым, знатокам этого дела, именно Мордтмону, Сейсу и Мюллеру. Передатчиком и посредником был профессор Патканов, полагавший, что эти надписи – исторические памятники армянства; и, конечно, от этой радости пришедший в телячий восторг. Впоследствии оказалось, говорит г. Никольский, что те клинообразные надписи написаны на языке, не

имевшем ничего общего с армянским.

Нечего и говорить, что известие это огорошило как г. Месропа, так и г. Патканова. Необходимо знать, что большая часть найденных г. Месропом надписей открыта к северо-востоку в 25 верстах от Эчмиадзина. Там есть один холм, называемый «Блури»; у холма этого находятся какие-то древние развалины; армяне давно зарятся на них и говорят, что именно там была их столица – какой-то мифический «Армавир». Любознательные ученые добрались и до этих мест. Стали производить раскопки под руководством гр. Уварова, осматривая развалины, старались и так и сяк, – работы производились в продолжение семи дней, – но не нашли ничего утешительного и радостного для армян. Г. Месроп и г. Патканов, разумеется, начали спорить и заявили претензию, что дурно, мол, производились раскопки, и вновь потребовали исследования тех мест.

Такую настойчивость – говорит г. Никольский – можно объяснить только ошибочным мнением о характере и происхождении надписей и понятных со стороны армянских ученых увлечением мыслью найти древнюю столицу Армении».

Видно, неотъемлемое качество армянских ученых – добиваться цели своей путем упрямства. Видно, что, настаивая на своем, они стараются замалчивать все, что не входит в их расчеты, хотя бы это было неопровержимой истиной. Г. Никольский объясняет их упорство «ошибочным мнением их и понятным со стороны армянских ученых увлечением», очевидно, не желая, из приличия и сдержанности, сказать большее и назвать поступок их настоящим именем….

**И. Г. Чавчавадзе**

перевод с грузинского Н. И. Алексеева-Месхиева.
Тифлис, 1902